

УДК 8:82/82.0

Павленко Л.С.

(г. Москва)

МИФОЛОГИЯ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ СИМВОЛИСТОВ. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА И А. БЕЛОГО¹

Аннотация. В статье освещается история изучения городского текста в русской литературе и рассматриваются образы Петербурга в творчестве А. Блока и А. Белого. Автор изучает хронотоп петербургского пространства, а также всевозможные детали и мотивы, связанные с образом Города. В основе исследования лежит сопоставительный анализ двух художественных образов Петербурга, созданных в произведениях А. Блока и А. Белого. В заключении статьи автор делает выводы о том, что образы Петербурга у Блока и Белого не копируют друг друга и не созданы под воздействием одностороннего творческого влияния, а являются двумя взаимосвязанными главами одного петербургского текста серебряного века русской литературы.

Ключевые слова: серебряный век, А. Белый, А. Блок, городской текст, петербургский текст.

L. Pavlenko

(Moscow)

THE CITY MYTHOLOGY IN CREATIVE WORK OF SYMBOLISTS. THE PETERSBURG TEXT IN THE WORKS OF A. BLOK AND A. BELY

Abstract. In the article the history of studying the urban text in the Russian literature is highlighted and the images of Petersburg in the works of A. Blok and A. Bely are revealed. The author studies the chronotope of Petersburg's space and all kinds of details and motifs related to the image of the City. The study is based on the comparative analysis of the two images of Petersburg created in Blok's and Bely's works. In the end of the article the author draws conclusions, that Blok's and Bely's images of Petersburg were not copying each other and were not created under the one-sided creative influence. Besides, they represent two interrelated chapters of the one Petersburg text of the silver age in the Russian literature.

Key words: silver age, A. Bely, A. Blok, urban text, Petersburg text.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) в ИМЛИ РАН

Образ большого индустриального Города правомерно причислен к «вечным» образам мировой художественной литературы. Возникая в конкретную историческую эпоху и укрепившись в определённом литературном течении, будь то реализм второй трети XIX в. или символизм начала XX в., образ Города достиг той предельной художественной обобщённости и смысловой глубины, которые позволили ему приобрести высокую внеисторическую значимость. В различных произведениях этот образ получал разнообразие оценки и трактовки («город-чрево», «город-механизм», «город-спрут», «город-царь вселенной»), а также конкретные воплощения: Рим, Париж, Лондон, Нью-Йорк, Москва, Петербург и т. д. В урбанистической литературе Город из сцены, на которой разворачивается действие, сам превращался в персонажа. Подчас образ мыслей и поступки основных действующих лиц начинали зависеть от него. Несмотря на разность конкретных воплощений Города, перечисленных выше, их все объединяют общие черты и свойства: кипучая жизненная энергия, развитие и неудержимое движение вперёд, стремительный бег времени, ожесточённость, борьба за выживание и благополучие, отчуждённость, обезличивание и обездушивание человека, подчинение своему укладу и своим законам жизни.

«Городской текст» (если опираться на определение, данное Л.Г. Кихней и Н.Ю. Шмидт в статье «„Городской текст“ в поэзии Осипа Мандельштама») включает в себя образы, сюжеты и мотивы, составляющие авторскую модель городского бытия как феномена культуры [7]. Н.Е. Меднис определяет городской текст, прежде всего, как сверхтекст, или «сложную систему интегрированных текстов, имеющую общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [9, с. 9].

В современном литературоведении существует множество городских текстов, включающих в себя образы конкретных крупных городов: венецианский текст, лондонский текст, парижский текст, московский текст и, конечно же, петербургский текст. На настоящий день существует несколько подходов к изучению петербургского текста (Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, В. Шмид, А. Муратов, В.И. Тюпа и др.), которые подробно рассмотрены в статье Е.Н. Жадновой «Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы» [5].

О связи между петербургскими текстами русских писателей XIX и XX вв. рассуждал ещё А. Блок в своей статье «Судьба Аполлона Григорьева»: «Очевидно, Петербург „Медного всадника“ и „Пиковой дамы“, „Шинели“ и „Носа“, „Двойника“ и „Преступления и наказания“ всё тот же, который внушил вышеупомянутые заметки некоему зеваке и сумбурный роман с отпечатком гениальности – Андрею Белому. Не странно ли всё-таки, что об

одном и том же думали русские люди двадцатых, тридцатых, сороковых... девяностых годов и первого десятилетия нашего века?» [3]. Его слова подтверждают мысль Топорова, отмечавшего, что «созданный „совокупностью текстов русской литературы петербургский текст” обладает всеми теми специфическими особенностями, которые свойственны текстам вообще и прежде всего семантической связанностью <...> хотя он писался (и будет писаться) многими авторами» [10]. Очевидно, что связь образов Петербурга прослеживается не только между разными эпохами, предшествующей и последующей, но и внутри самой эпохи «серебряного» века, например, между Городом в творчестве Брюсова и в творчестве Блока, или Петербургом Блока и Петербургом Белого.

Их тесная взаимосвязь очевидна. Если у Блока образ Петербурга вырисовывается в стихотворениях и поэмах – словом, практически во всём творчестве, то у Белого – по большей части, в романе «Петербург». Эту взаимосвязь замечали многие исследователи. Неслучайно Топоров называет Блока и Белого двумя центральными фигурами Петербургского текста в русской литературе начала XX в. Минц видела истоки связи двух образов Петербурга в общности выделяемых мотивов и в схожем художественном пафосе, освещающем произведения Блока и Белого [10]. Кихней и Вовна считали, что образы, созданные Белым и Блоком, схожи, прежде всего, по той причине, что Белый отчасти разделял взгляд Блока на мировую историю, а также воплощение её в поэзии [6].

Более детальное и подробное сопоставление произведений Блока и произведений Белого на всех возможных уровнях проводит Л.К. Долгополов в книге «Андрей Белый и его роман «Петербург»» [4]. Он описывает, какое положение занимают герои-повествователи в произведениях Блока и Белого и как это влияет на перспективу их взгляда, подчёркивает разность художественных методов и творческих приёмов, а также отличие взглядов Блока и Белого на дальнейшую судьбу России. По мнению исследователя, роман Белого, хотя и был высоко оценён Блоком, но, тем не менее, не был до конца понят им, и это связано с тем обстоятельством, что Блоку была чужда область бессознательного в художественном отношении, в той же мере, в какой она была близка Белому.

Исходя из работ Минц, Кихней, Максимова [8] и Долгополова, посвящённых Петербургу Блока и Белого, мы можем судить о достаточной проработке и изученности проблемы. Однако вместе с тем ни один из названных авторов не ставил вопрос о сопоставлении образов Петербурга у Блока и Белого в центр своего исследования. Их рассуждения и аргументы были направлены, в основном, на общую картину творчества двух поэтов, освещение их философских концепций, лирических мотивов, тематической и

идейной направленности, и только вскользь затрагивался образ Петербурга как таковой. Целью нашего исследования является сопоставление образов Петербурга у Блока и у Белого как двух различающихся и в то же время близких друг другу глав одного петербургского текста «серебряного» века. Основные задачи исследования заключаются в том, чтобы рассмотреть, каким предстаёт мир Петербурга в стихотворениях Блока и в романе Белого, найти точки их пересечения и расхождения, чтобы выявить характер существующей взаимосвязи. В качестве материала для сравнения образов взят текст романа Белого «Петербург» и стихотворения Блока 1904–1908 гг. (как повлиявшие на создание «Петербурга»), вошедшие в цикл «Город мой».

В начале обратимся к пространственной характеристике образа. Первое, что бросается в глаза при ближайшем рассмотрении Петербурга Белого, это строгая геометричность и упорядоченность города: «дома сливались кубами в планомерный, пятиэтажный ряд»; «Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский проспект» [1]. При этом, когда заходит речь о Невском проспекте, через его прямолинейность обозначается и тот немаловажный факт, что он – «европейский». У Блока мы не находим ни в одном стихотворении цикла «Город» таких строгих геометрических форм или ориентации на некий европейский стандарт градостроительства. В описании города и у Белого, и у Блока названы вполне конкретные, взятые из реальности пространственные ориентиры, как то: Невский проспект, Летний сад, Зимний дворец, Троицкий мост, Нева. При всей, казалось бы, предельной абстрактности и нереальности Петербурга в романе Белого он, тем не менее, имеет черты, по которым в нём можно узнать реально существующий город. Цветовая гамма, в которой изображён Петербург, у Белого и Блока тоже перекликается, но отдельными красками. Так, например, Блок не использует ни болезненно-жёлтый (тревожный, «безумный», так часто встречающийся у Достоевского), ни тот тошнотворно-зелёный цвет, какие использует Белый при описании домов, тумана и речной воды: «В это хмурое петербургское утро распахнулись тяжёлые двери роскошного жёлтого дома: жёлтый дом окнами выходил на Неву» [1]; «Зеленоватым роем проносились там облачные клоки; они сгущались в желтоватый дым, припадающий к крышам угрозою» [1].

Агрессивный алый, багровый, багряный цвет, наверное, единственный, для которого оба писателя не жалеют ни слов, ни сравнений: багровый закат у Белого, кровавое вечернее солнце, красный карлик, Багряный Зверь, красный фонарь, красный плащ у Блока. Особенно ярко это совпадение оттенков заметно в стихотворении Блока «Город в красные пределы...» и в описании Белым дворца Растрелли на закате в романе.

Несмотря на то, что в стихотворении Блока изображается вовсе не дворец – картина предстаёт похожая.

Конечно, туман, сырость и слякоть – всё то, без чего Петербург Белого и Блока отчасти не был бы самим собой. Другой вопрос, что туман, сырость, слякоть и гниль у Белого кишат бактериями, несут с собой лихорадку и многие другие болезни, причём остаётся не до конца понятно, физиологического или, скорее, социального характера. Туманы в Петербурге Блока морочат жителям головы и порождают миражи, а гниль в канавах напоминает об ущербности и внутреннем разложении внешне прекрасного и величественного града Петра, однако при этом никаких намёков на болезни, насылаемые вредным климатом, нет. Речь идёт, скорее, об общей нездоровой атмосфере в городском социуме.

О «нездоровой атмосфере» свидетельствует, в частности, тяга персонажей к посещению питейных заведений в произведении Белого и в произведениях Блока, или же «адских кабаков»: « <...> адские огоньки кабачков двухсотлетие зажигал отсюда Голландец, а народ православный валил и валил в эти адские кабачки, разнося гнилую заразу... Поотпльвали тёмные тени. Адские кабачки же остались. С призраком долгие годы здесь бражничал православный народ» [1]. В кабаках горожане оставляют часть своей души и заражают друг друга пагубной страстью. Блок тоже не воспевал и не идеализировал подобные места в своём Петербурге. Пока жители Петербурга предаются беспечному и бездумному пьяному веселью, где-то в полях бродит и внимательно наблюдает за ними нечисть – Невидимка, а в самый разгар их кутежа вмешиваются inferнальные силы:

«Веселье в ночном кабаке.

Над городом синяя дымка.

Под красной зарёй вдалеке Гуляет в полях Невидимка

<...>

Вечерняя надпись пьяна

Над дверью, отворённой в лавку...

Вмешалась в безумную давку С расплеснутой чашей вина На Звере Багряном – Жена» [2].

Близость мира города к потустороннему, враждебному человеку миру и пристанищу нечисти обозначается и у Белого: « <...> там над зданиями, казалось, парил кто-то злобный и темный, чьё дыхание крепко обковывало льдом гранитов и камней некогда зелёные и кудрявые острова; кто-то тёмный, грозный, холодный оттуда, из воющего хаоса, уставился каменным взглядом, бил в сумасшедшем парении нетопыриными крыльями; и хлестал ответственным словом островную бедноту, выдаваясь в тумане: черепом и ушами; так недавно был кто-то изображён на обложке журнальчика» [1].

За гротескным образом нетопыря стоит прототип реальной человеческой личности, и через борьбу человеческого и inferнального мира реализуется уже социальный конфликт: противостояние состоятельных горожан Петербурга и островной бедноты. У Блока тот же социальный конфликт не носит пространственного характера; он заострён тем, что сосредоточен внутри одного и того же города – Петербурга. Нищие, фабричные рабочие, попрошайки, пьяницы, проститутки, богатые чиновники и их дамы – никто из них не разделён пространственно, и они сталкиваются друг с другом на улицах одного и того же города.

Помимо inferнального мира, Петербург Белого также тесно соседствует и с загробным миром. Об этом говорит нам и образ Летучего Голландца, упомянутый в романе, и реплика одного из героев: «Но о том, что столичный наш город, весьма украшенный памятниками, принадлежит и к стране загробного мира...» [1]. У Блока, опять же, хотя и присутствует мотив смерти, но такого жёсткого разделения на два мира – нет. Скорее, подчёркивается, что смерть в Петербурге – явление не такое уж редкое, а скорее, печально-обыденное:

«И - трое мы бредём. Лежит пластами пыль.

Всё пусто - здесь и там - под зноем неустанным.

Заборы - как гроба. В канавах прееет гниль.

Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном»[2].

Отдельно стоит рассмотреть мифологизм Петербурга Белого и Петербурга Блока в их сравнении. Оба образа буквально пронизаны им на всех уровнях: системы героев и персонажей, изобразительно-выразительных средств, идейно-концептуальном уровне. О многом говорит уже то мнение, что роман Белого «Петербург» сам представляет из себя литературный миф о северной столице России [4], и наблюдение, какой невероятный размах приобретает мифологизация в его романе. Она затрагивает как исторических и легендарных персонажей (Пётр I, Медный Гость, он же Металлический Всадник), так и авторских (террорист Дудкин, Аполлон Аполлонович), причем ей подвержены не только их образы, но и роли, которые они выполняют в сюжете: так, например, Аполлон Аполлонович наделяется способностью разрушать и создавать миры, а также превращать людей в бесплотные тени. В Петербурге Блока это делает с людьми сам город, со всей его гнетущей мистической атмосферой, и ни одному отдельному персонажу, будь то даже сам Пётр I, не отводится такой всемогущей роли.

Отдельно стоит осветить мифологизацию образа Петра I и его двойника – Медного Всадника. Эта двойственность подчёркивается и Белым, и Блоком: с одной стороны, в Петре I видят покровителя и защитника города, но с другой стороны, он оказывается «весёлым царём», действующим на одной стороне с

поверженным им же Змеем-Искусителем (стихотворение Блока «Пётр»). Он отвергает в искушение жителей своего города, которым потом сам же и оказывается судьёй. У Белого Медный Всадник – такой же немилосердный хозяин города и властелин собранных в нём душ, а противостоит ему призрак Христа, который, по большому счёту, проигрывает в итоге это противостояние. Христос и ангелы в Петербурге Блока – тоже, скорее, случайные и незванные гости, появляющиеся время от времени, нежели жители: Светлый Ангел спасает невинную душу девушки и уносит её в небеса (стихотворения «Повесть» и «В кабаках, в переулках, в извивах...»), Младенец Христос случайно увиден во мраке собора вместе с Богородицей (стихотворение «Ты проходишь без улыбки...»). В целом, Петербург Блока – это, скорее, город, покинутый и забытый Богом, в котором больше не свершается Его воля, зато неотвратимо грядёт Его суд над забывшими о Нём грешниками-жителями. Поэтому все мифологические образы и мотивы как созданные самими авторами (чёрный человечек, Невидимка, красный карлик), так и заимствованные (и переосмысленные) ими из Библии и разных мифологий (чёрный змей с огненными глазами, Вавилонская Блудница, нимфы – «дочери струй», бог-громовик и т. д.), вместе составляли эсхатологическую картину Петербурга.

Помимо этого, у Белого в романе мифологизируется и сама история, которая есть «не прагматическая основа, а лишь исходный момент и подспорье» [4]. Этого не наблюдается в создании образа Петербурга у Блока. Кроме того, столь обширное и сложное использование различных мифологических мотивов и уподоблений знаменовало, по мнению Долгополова, конец «петербургского» периода русской литературы: «Период этот на деле отодвигался в прошлое, но, отходя, он оставлял после себя грандиозный художественный памятник» [4].

Вернёмся к описанию пространства. Другое мистическое свойство пространства Петербурга у Белого заключается в следующем: «Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают в тени прохожих; тени же петербургские улицы превращают в людей» [1]. Петербург Блока этим свойством тоже обладает, но обозначено это менее явно, полунамёком:

«Улица, улица...

Тени беззвучно спешащих Тело продать,

И забвенью купить<...> » [2].

Постепенно пространство Петербурга у Белого начинает расширяться, грозя поглотить и подчинить своей упорядоченности всю планету: « <...> и ему захотелось, чтоб вперёд пролетела карета, чтоб проспекты летели навстречу – за проспектом проспект, чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, как змеиными кольцами, черновато-серыми домовыми кубами; чтобы вся, проспектами притиснутая земля, в линейном

космическом беге пересекла бы необъятность прямолинейным законом» [1]. Пространство блоковского Петербурга ограничено только чертой города; ни столбовые дороги, ни пригород, ни острова в его стихотворениях цикла «Город» не упоминаются.

В романе Белого философская категория пространства оказывается связана с категорией времени самым тесным образом: «Более всего он любил прямолинейный проспект; этот проспект напоминал ему о течении времени между двух жизненных точек» [1], в то время как для Блока эта связь не столь актуальна.

Скрытые различия можно уловить и в картинах ночного Петербурга у Белого и Блока. Так, у первого явно чувствуется победа искусственного электрического света над мраком ночных улиц; никакого утешения или надежды он жителям Петербурга, правда, не несёт, напротив, вместо этого сулит им новые искушения столичного вечера (символы яблока и геенны огненной), однако его победа, тем не менее, неоспорима: «Вон там вспыхнуло первое светлое яблоко; там – второе; там – третье; и линия электрических яблок обозначила Невский Проспект, где стены каменных зданий заливаются огненным мороком во всю круглую, петербургскую ночь и где яркие ресторанчики кажут в оторопь этой ночи свои ярко-красные вывески, под которыми шныряют все какие-то пернатые дамы, укрывая в боа кармины подрисованных губ, – среди цилиндров, околышей, котелков, косовороток, шинелей – в световой, тусклой мути, являющей из-за бедных финских болот над многоверстной Россией геенны широкоотверстую раскалённую пасть» [1]. У Блока же, напротив, ночь, несмотря на уличное освещение, берёт верх над светом; создаётся впечатление, будто тусклые фонари-одиночки не рассеивают, а ещё больше сгущают мрак вокруг себя:

*« <...> На глухую улицу в полночь вышли
Весёлые девушки. Было – две <...>
Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задёрнул последний свет фонаря» [2].*

Нельзя сказать, что образы Невидимки или пьяного красного карлика были менее зловещи или inferнальны в стихотворениях Блока, однако они являются только посланниками, вестниками беды. Они не приносят с собой в город ад, как это делают вереницы фонарей у Белого.

Если говорить о сущности Петербурга Белого, то стоит заметить, что этот город – «мираж», которого в действительности больше не существует нигде, кроме как на картах и в уме его жителей: а если и существует, то только в виде некой идеальной упорядоченной системы, «мозговой игры», кото-

рой нет места в пространстве реальной жизни. «Идеальность» Петербурга Белого проявляется и в том, что он непременно должен быть столицей – и иная форма существования этого города невозможна, неприемлема: «Если же Петербург не столица, то – нет Петербурга. Это только кажется, что он существует» [1]. «Миражность» Петербурга Блока, по сравнению с Петербургом Белого, всё же не так сильна; его можно назвать, скорее, пропитаным мистичностью, чем фантомностью.

Невидимка, пьяный красный карлик, Жена на Багряном Звере – благодаря тому, насколько ярко и убедительно нарисованы, они воспринимаются как полноценные действующие лица в сценах городских драм, а не только как образы, насланные на других персонажей мороком Города. Несмотря на своё потустороннее происхождение, они почти реальны для тех, кто их видит.

Петербург для Белого не более реален, чем сон («Петербург – это сон»); Блоком он воспринимается по-иному, и только в одном стихотворении в Городе размывается грань между явью и чьим-то сном:

*«В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюблённых в молву» [2].*

Принимая во внимание всё вышесказанное, тем более странно наблюдать, как в Петербурге Белого просыпается Город-Персонаж, который способен плакать, гневаться, тосковать, язвить: «<...> каменный перегиб Зимней Канавки показал плаксивый простор; Нева оттуда бросалась натиском мокрого ветра; вод её замерцали беззвучно летящие плоскости, яростно отдавая в туман бледный блеск. Гладкие стены четырёхэтажного дворцового бока, испещрённого линиями, язвительно проблистали луной» [1]. Мы словно видим, как приподнимается маска той структурной упорядоченности, внешней геометричности, за которой скрывалась вовсе не пустота «миража-Петербурга», а живое, настоящее лицо Города. Тому, что «не существует в реальности», повествователь не смог бы крикнуть: «Петербург, Петербург! Осаждая туманом, и меня ты преследовал праздною мозговою игрой: ты – мучитель жестокосердый; ты – непокойный призрак; ты, бывало, года на меня нападал» [1]. И поскольку сам Город есть герой романа, причём весьма могущественный – он может делать с остальными героями всё, что посчитает нужным: умертвлять их или толкать на самоубийство, сводить с ума, превращать в тени и т. д.: «О, большой, электричеством блестящий мост! Помню я одно роковое мгновение; чрез твои сырые перила сентябрьскою ночью перегнулся и я: миг, – и тело моё пролетело б в туманы. О, зелёные, кишащие бациллами воды! Ещё миг, обернули б вы и меня

в свою тень» [1]. Петербург в цикле Блока «Город» является, скорее, сценой, на которой разворачивается драма, чем её действующим лицом. Он практически неодушевлён.

Конечно, на его улицах тоже есть место самоубийствам и смертям, трагическим и необъяснимым, однако воля самого Города в них выражена косвенно: через настроения, царящую атмосферу, роковым образом сложившуюся судьбу.

Человек в Петербурге Блока, несмотря на свою безымянность, целостен и самоценен. Обманутая девушка, несчастная мать, бродяга, пьяница – каждый из них является центральным героем своей жизненной драмы, и на них сосредотачивается внимание повествователя. «Безымянные» герои в Петербурге Белого не выделяются из толпы, в нём нет места отдельной личности; более того, толпа (или «публика») представлена в образе сплошной массы, «циркулирующей», как водная или воздушная, которая практически не одушевлена и подчинена механистическому движению назад и вперёд: «Невский Проспект, как и всякий проспект, есть публичный проспект; то есть: проспект для циркуляции публики (не воздуха, например); образующие его боковые границы дома суть – гм <...> да: <...> для публики» [1]. В образе «потока», «роя» и «людской многоножки» также не различаются живые настоящие люди: «Многотысячный людской рой к ним бредёт по утрам; и кишмя кишит пригород; и роится народом» [1]. Образ «людского потока», «текучей толпы» у Блока тоже имеет место быть, просто он – далеко не единственный в этом плане:

*Лица плыли и сменились,
Утонули в тёмной массе
Прибывающей толпы [2].*

И у Белого, и у Блока образ толпы представляет собой, в конечном итоге, стихию, но если Белым она воплощается в образ приюта, то Блоком – в образ грозы. Представляется, что эти два образа можно считать родственными друг другу.

Если же у Белого безымянный герой появляется в романе вне толпы, то он как бы выхватывается для взгляда отдельными частями лица и деталями одежды (как ещё изображал героев своего Петербурга Гоголь) и так и не предстаёт в своей целостности (в отличие от героев стихотворений Блока): «На чугунном мосту обернулся бы он; и он ничего не увидел бы: над сырными перилами, над кишашей бациллами зеленоватой водой пролетели бы лишь в сквозняки приневского ветра – котелок, трость, уши, нос и усы» [1].

Как видим, при всём своём сходстве в отдельных образах, деталях, мотивах Город Белого и Город Блока являются всё же разными взаимосвязанными главами единого петербургского текста. Город Белого нереален и

вызывает сомнения в самом своём существовании; Город Блока таких сомнений не вызывает. Город Белого фантазмагоричен, Город Блока – фантастичен. Город Белого – персонаж, Город Блока – место действия персонажей. Два образа одного Петербурга не являются слепыми копиями или простыми отражениями друг друга. Однако стоит помнить, что без одного, блоковского Петербурга – не было бы и Петербурга Белого. В свою очередь, через прочтение «петербургской главы» творчества Белого в образе блоковского Петербурга открываются новые стороны и новые грани.

Источники и литература

Источники:

1. *Белый А.Н.* Петербург // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/poeziq/belyj/peterburg.txt> (дата обращения: 10.10.2014)
2. *Блок А.А.* Цикл «Город» // Слова: поэзия и поэты серебряного века. [Электронный ресурс] URL: <http://slova.org.ru/blok/div5/> (дата обращения: 10.10.2014)
3. *Блок А.А.* Судьба Аполлона Григорьева // Литература и жизнь: электронная библиотека. [Электронный ресурс] URL: http://dugward.ru/library/grigorjev/blok_sudba_ar_grigoryeva.html (дата обращения: 10.10.2014)

Литература:

4. *Долгополов Л.К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Советский писатель, 1988. 416 с.
5. *Жаднова Е.Н.* Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2013. [Электронный ресурс] URL: http://bonjour.sgu.ru/sites/default/files/14_zhadnova.pdf (дата обращения: 10.10.2014).
6. *Кихней Л.Г. Вовна А.В.* Преломление петербургского мифа в городском тексте романа А. Белого «Петербург» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 1. С. 135.
7. *Кихней Л.Г., Шмидт Н.В.* «Городской текст» в поэзии Осипа Мандельштама // Л.Г. Кихней, Н.В. Шмидт // Филологические чтения памяти Н.И. Великой. Сборник научных статей. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 44–64.
8. *Максимов Д.Е.* Русские поэты начала века. Л.: Советский писатель, 1986. 404 с.
9. *Меднис Н.Е.* Текст и его границы // Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. НГПУ, Новосибирск, 2003. 77 с.
10. *Минц З.Г.* «Петербургский текст» и русский символизм // З.Г. Минц: Монографии, статьи и заметки / Ruthenia: объединённое гуманитарное издательство. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html> (дата обращения: 10.10.2014)
11. *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1995. 624 с.